

Алиса Даншох

ДОЛГИЕ ГОДЫ
детства, отрочества и юности
ВСЕСЛАВА ТУМАКОВА

Алиса Даншох

**Долгие годы детства, отрочества
и юности Всеслава Тумакова**

«У Никитских ворот»

2026

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Даншох А.

Долгие годы детства, отрочества и юности Всеслава Тумакова /
А. Даншох — «У Никитских ворот», 2026

ISBN 978-5-00246-732-7

Автобиографическая повесть — такой жанр выбрала для новой книги Алиса Даншох. От имени мальчика-подростка, юноши из хорошей московской семьи, она рассказывает историю его взросления, познания мира и своего рода, которому было чем и кем гордиться. В книге много уникальных исторических фотографий и интересных историй.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00246-732-7

© Даншох А., 2026
© У Никитских ворот, 2026

Содержание

Часть 1	6
Новогодний сюрприз	6
Самовар баронессы фон Мекк	19
В поисках Винни-Пуха	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алиса Даншох
Долгие годы детства, отрочества
и юности Всеслава Тумакова

© Даншох А., 2026

© Фонд поддержки искусств «Арт-Линия» имени Марии Михайловны Копьёвой, 2026

Часть 1

Хроники семейного королевства

Новогодний сюрприз

В детстве мне страстно хотелось быть долгожданным ребенком, а не случайностью и причиной вынужденной женитьбы отца на матери. Я успокоился только тогда, когда увидел свидетельство о регистрации брака. Оно на три года опережало дату моего рождения, так что я не был случайностью. Я оказался новогодним сюрпризом.

Встреча Нового 1978 года запомнилась всем, кто собрался на нее в трехкомнатной квартире недавно отстроенного престижного дома возле метро «Академическая». И хотя гостеприимство хозяев было безупречным (стол изобиловал дефицитными по тем временам продуктами, и не было необходимости бежать к таксистам за недостающей еще одной бутылкой алкоголя), а все гости были молоды, успешны, модно и со вкусом одеты и пахли дорогими импортными духами и одеколонами, запала она всем в душу совсем другим.

Где-то к началу второго часа наступившего 1978 года на безоблачном новогоднем небосклоне появились первые тучи, вызванные долгоиграющим застольем с ненормированным потреблением алкогольных напитков. Все явственнее слышались женские возгласы недовольства:

- Хватит пить!
- Ты уже лыка не вяжешь!
- Возьми себя в руки, а стакан поставь на стол. У тебя виски польется из ушей!

«Где-то к началу второго часа наступившего 1978 года на безоблачном новогоднем небе появились первые тучи, вызванные долгоиграющим застольем с ненормированным потреблением алкогольных напитков...»

Да-да, в этом доме гостей поили не только водкой и марочным коньяком, но и этим редким в наших краях заморским напитком. Мужчины не упустили шанса приложиться к импортной бутылке, привезенной издалече. Наименее стойкие уже похрапывали, вальяжно растекаясь по креслам. Кое-кто вышел покурить на лестницу и подозрительно долго не возвращался. Самая же щекотливая неприятность заключалась в другом: кто-то заперся в санузле, отделанном веселеньким кафелем, и не хотел оттуда выходить. Этот «кто-то» не реагировал ни на стук в дверь, ни на громкие призывы уступить место другим, страждущим облегчения. В конце концов все же удалось вскрыть помещение санузла. Очевидцам предстало малоприятное зрелище: на полу в обнимку с унитазом сидела молодая женщина в вечернем блестящем одеянии и громко всхрапывала. Вокруг нее на полу остались свидетельства ее тяжелого и болезненного перехода из грубой реальности в царство сказочного Морфея. Мужу с трудом удалось оторвать алкожертву от сантехнического оборудования и по просьбе хозяйки отвести домой в соседний подъезд.

А тем временем те из дам, кто стойко держался на ногах, оттащили грязную посуду и остатки пиршества на кухню, освободив стол под чай-кофе-десерт. В гостиной вместо новогоднего «Голубого огонька» навороченный магнитофон исполнял модные шлягеры и не потерявшие сил гости танцевали. Вдруг объем децибел резко увеличился и под громкие возгласы присутствующих на столе, как на подиуме, возникла Лили Чик. Она была восхитительна,

соблазнительна и гиперсексуальна. У мужчин перехватило дыхание, а их жены завистливо и недобро следили за гибкими и волнующими телодвижениями сексапилки Лили. Сколько длился ее танец, никто не помнит. Кажется, она чуть было не свалилась со стола, и ее поймали в последний момент до приземления на пол.

Что было дальше, мои родители не знают, потому что они по-английски ретировались. Добравшись до дому, они предались восхитительному занятию, завершившемуся счастливой встречей маминой яйцеклетки с папиным сперматозоидом.

Я родился в конце сентября. Мое созревание шло по графику. Мы с мамой посещали женскую консультацию, которая изо всех сил пыталась исказить сроки беременности, чтобы меньше платить за декретный отпуск. Мама обиделась и в знак протеста получила в профкоме путевку в санаторий в Сочи, где мы с ней провели по тогдашним нормативам 28 дней. Условия проживания были сносные, еда отвратительная, поэтому мы иногда ездили на рынок и заходили в кафе. Мама пила не рекомендованный ей черный кофе с шоколадной конфеткой «Косолапый мишка». В результате кофе, шоколад и художника Шишкина я полюбил еще в утробе матери.

После возвращения с Кавказа случилась неприятность, угрожавшая моей жизни. Родители отправились на дачу к моей тетке Ля-Ля отмечать ее день рождения. Праздник удался на славу: теплый июльский день, веселая симпатичная компания и одуряющий запах шашлыка. Кстати, его я тоже полюбил до появления на свет. Мама поддалась искушению и съела несколько кусочков жирной аппетитной свининки. Я так обрадовался получению нездоровой для сильно беременной женщины пищи, что взбрыкнул на радостях и попытался вылезти наружу досрочно. Маму немедленно уложили на сохранение, и милейший врач-гинеколог уговорил меня воздержаться от преждевременных поступков. Вместо шашлыка, кофе и конфет меня стали потчевать тертой свежей морковкой, кефирчиком, кисельком, легким бульончиком и домашними котлетками. Я отменил незапланированный выход в свет, устроился поудобней, занял правильное положение и стал ждать отведенной природой для рождения недели. Чтобы маман не расслаблялась, я в разное время суток подавал ей особые знаки моего присутствия, выстукивая пяткой ритм танца зреющего младенца. Иногда я просто хотел привлечь ее внимание, хотел, чтобы она успокоила меня ласковыми поглаживаниями своего овального животика и словами:

– Милый, как ты там? У тебя все в порядке?

Когда я добивался желаемого, то умиротворенно затихал и упирался ножкой в ее ладонь.

Наконец, настал момент, когда я понял, что пора на выход и надо отрываться от пуповины, пока окончательно в ней не запутался. Для появления на сцене я выбрал воскресенье. Ровно в десять утра я открыл шлюз, и воды отошли. Папа оседлал темно-синего коня «Жигули» и домчал нас с мамой до роддома, где главенствовала бабушкина близкая подруга Ирина Степановна. Мне повезло: в то воскресенье она дежурила и руководила процессом деторождения всех, кто выбрал для этого 24 сентября.

Хочу отдать должное маман: она неплохо держалась, не кричала, лишь постанывала и тужилась изо всех сил. В 18.15 по московскому времени, о чем свидетельствует сохранившаяся клеенчатая бирка, я не слишком громким криком оповестил присутствующих об увеличении мужского населения столицы на одну единицу. Меня показали маме во всей моей новорожденной красе, и она вздрогнула, потому что я был в «одежонке из странных лохмотьев». Ирина Степановна поспешила ее успокоить: «Он родился в рубашке, и на нем ее остатки». Мама с облегчением вздохнула, меня унесли, ее немного подштопали и отвезли в палату. К счастью, мама в этот вечер не узнала, что у меня началась асфиксия (поэтому я до сих пор такой нервный), с которой персонал благополучно справился. Мама заснула, а я провел первую ночь в спецусловиях под бдительным медицинским оком. Через несколько дней меня запеле-

нали и торжественно выпроводили за порог деторожденческого дома, где я получил «путевку в жизнь».

Дома меня с нетерпением ждали все остальные домочадцы: бабушка, мамина свекровь, и Манечка, наша домодержательница. Позднее я пришел к выводу, что тогда, в конце семидесятых прошлого века, бабушка в семье была главной. Она руководила нами скрытно, мудро, но твердо, взяв на себя основную часть материальных расходов. Если нашу небольшую семью сравнивать с крохотулечным королевством, то бабушка была всесильной регентшей при юном наследнике. Когда молодой король укрепился духом, интеллектом и научился зарабатывать на жизнь, она передала ему бразды правления, оставив за собой почетный титул вдовствующей королевы.

И вправду сказать, было в ней нечто величественное: крупное телосложение, крупное лицо и внушительных размеров бюст. От телесной громоздкости ее спасали узкие бедра и отсутствие живота. Она за собой следила, любила и умела приодеться и выглядела всегда по моде и к лицу, в чем ей помогали портнихи и известная московская спекулянтка Аида. Бабушка руководила не только нами, она десятки лет заведовала кафедрой иностранных языков высшего учебного заведения. Она очень гордилась своим профессорством, писала в соавторстве толстые учебники и умные статьи. У бабушки были статус, авторитет и безупречная репутация. Долгие годы ее научной и административной деятельности прошли достойно, без единого серьезного инцидента и без единого выпадения скелетов из шкафа за неимением оных.

Она никогда не выясняла отношений и ни с кем не вступала в конфронтацию. Она в зародыше душила кафедральные смуты, заговоры и недовольства, точно так же, как и семейные. Сегодня мы бы назвали ее «идеальным менеджером с врожденным высочайшим инстинктом самосохранения». Жаль, что этот дар не перешел ко мне по наследству.

Бабушка в любом обществе и в любой ситуации умела правильно себя позиционировать. Она всегда прислушивалась к советам собственного здравого смысла, но порой слишком рьяно отстаивала свою точку зрения. Она прекрасно ладила с любым руководством – от домовожковского до институтского и министерского. На кафедре ее не только уважали, но некоторые даже искренне любили. Бабушка была членом всевозможных научных и общественных организаций, посещала бесконечные заседания и принимала единогласно нужные резолюции.

Несмотря на беспартийность, она занимала руководящий пост, ее инициативности и чистоте анкетных данных мог позавидовать любой член КПСС со стажем и на высокой должности. Неудивительно, что бабушке, человеку с такой характеристикой, частенько поручали представлять советскую интеллигенцию за рубежом. Еще чаще ее посылали на научные конференции республиканского уровня. От подобных командировок внутри страны и за ее пределами выигрывала вся семья: все получали подарки, особенно я. Прибалтика и Белоруссия вместе с бабушкой снабжали меня хлопчатобумажным бельишком, а на кухне после каждой поездки появлялось что-нибудь из посуды, достойно конкурировавшей с продукцией из магазина «Ядран», где все продавали «made in» Югославия.

В раннем детстве на бабушкины научно-производственные успехи я не обращал особого внимания и ценил ее совсем за другое. Она бесконечно и искренне верила в меня и всегда поддерживала во всех начинаниях. Никогда не забуду, какой восторг у нее вызвал мой рассказ в стиле детского писателя Чарушина. В восьми предложениях я поведал трогательную историю о мальчике Пете. Этот отважный мальчуган, рискуя жизнью, залез на дерево, чтобы спасти беспомощного котеночка. Тот сидел на тонюсенькой веточке и жалобно мяукал. Петя со своей благородной эмчээсовской миссией прекрасно справился, из чего следовало, что он – хороший мальчик. Бабушкино восхищение настолько меня вдохновило, что я немедленно решил связать свою дальнейшую судьбу с литературой и стать великим писателем. Шанс до сих пор сохраняется.

Когда я заинтересовался шахматами, бабушка не пожалела денег на мои уроки с умным студентом, пытавшимся окончательно увлечь меня древней интеллектуальной игрой. Однако ореол славы великого гроссмейстера померк, как только я взял в руки теннисную ракетку. Всё решилось молниеносно – я буду великим спортсменом. Осталось выбрать, кого из ведущих теннисистов мира на тот момент превзойти – Агасси или Сампреса? И кто поддержал мои честолюбивые мечты? Конечно, бабушка. Теннис я люблю до сих пор. Посещаю финалы Уимблдона и другие менее престижные турниры. Иногда и сам выхожу на корт тряхнуть стариной и помахать дорогушей ракеткой, пылящейся в шкафу. Увы, плечо, локоть и колено мешают блеснуть былым мастерством. «Большой шлем» примерить не удалось. Я не унываю и теперь поигрываю в менее травматичный гольф.

Бабушке ничто человеческое не было чуждо. Она испытывала небольшие слабости: очень любила красивую жизнь. Ей нравились рестораны, автомобильные гонки, выходы на яхтах в Балтийское море, санатории 4-го Главного управления при Минздраве СССР, как и ведомственное медицинское обслуживание. Она любила хрусталь, серебро-мельхиор, сервизы «Мадонна», ювелирные украшения и меха. Долгие годы в ее шкафу нафталинилась тяжеленная каракулевая шуба, подаренная мужем на годовщину свадьбы, а в бархатном футляре хранился платиновый браслет с шестью бриллиантами, полученный за рождение сына от счастливого отца. Само собой разумеется, что во рту у бабушки стояли золотые коронки, а «николаевские» золотые десятки прятались в чулке под нижним бельем в комод.

Бабушка была поклонницей престижа, гламура и «Московского комсомольца». Кстати, никто в доме не получал такого количества газет и журналов, как мы. Кроме «МК» в наш почтовый ящик опускали «Вечёрку», «Известия», «Правду», «Литературку», «Огонек», «За рубежом», «Советский экран», толстые журналы – «Новый мир», «Иностранку», «Октябрь», «Москву». Даже мне приходила сначала «Мурзилка», а позднее «Пионерская правда». Всю прессу бабушка просматривала, пролистывала, иногда даже засыпала в обнимку с новомодным автором зарубежного переведенного романа. Однако больше печатного слова бабуля любила посещать культурные мероприятия, вызывающие у москвичей ажиотаж: театральные премьеры, вернисажи, звездные концерты, кинофестивали, закрытые просмотры фильмов. Она непременно делилась впечатлениями от увиденного и услышанного, за что я ей признателен. Повзрослев, я успешно пользовался ее оценочными формулировками. Приведу некоторые из них:

- Это так ярко, так жизненно, так глубоко!
- Какое исполнительское мастерство!
- Очень интересные находки. И как современно...
- Абсолютно новое прочтение...

и т. д.

С годами я осознал, что одним из самых главных достоинств бабушки была глубочайшая уверенность в том, что ей досталось все самое лучшее: и работа, и квартира, и муж, и сын, и родные, и близкие, и друзья, и знакомые, и даже невестка, а уж внук и подавно. Во мне ей нравилось всё и с первого дня: мой вес 3 кг 200 г, мой рост 51 см, интеллигентный негромкий плач и моя большая ступня, что указывало на перспективу будущего роста.

И все же я не могу умолчать о некоторых бабушкиных недостатках. Во-первых, она не всегда понимала мои шутки и норовила обидеться, а во-вторых, она безгранично верила официальным словам газет и телевидения и возмущалась, если кто-то придерживался другой точки зрения. Вследствие абсолютного доверия к СМИ бабуля колебалась вместе с генеральной линией нашего государства. Например, при советской власти она в личных анкетах всегда указывала, что ее отец из крестьян и свой жизненный путь начинал деревенским пастушком. Когда же новое пришествие капитализма подвергло девальвации рабоче-крестьянское происхождение, то бабушка вспомнила про ранее замалчиваемое дворянство матери и объявила

себя столбовой дворянкой. Каюсь, подростком я часто поддразнивал бабулю. Если она при мне упоминала благородную и родовитую матушку, я невинно спрашивал: а как же ее угораздило выйти замуж за свинопаса? Она возмущалась, когда я называл ее «бабулей»:

– Я не бабуля, я – профессор!

– Так и быть, бабуля-профессор, а коли коммунисты вернутся, ты опять мамочку, как скелет, уберешь в шкаф?

Я как человек справедливый должен сказать, что мой крестьянский прадед из далекой белорусской деревни в жизни достиг многого, очень многого. Он сделал головокружительную карьеру. Это про него пели: «Кто был ничем, тот станет всем». Пастушок из бедной многодетной провинциальной семьи превратился к пятнадцатому году в петербургского приват-доцента, а после революции стал профессором и принял активное участие в создании белорусского университета. Каково, а? Судя по старым фото из семейного архива, прадед с ласковым прозвищем «Фофочка» красотой не блистал, но в золотом пенсне выглядел умным и импозантным. Внешность не мешала приват-доценту пользоваться у представительниц женского пола серьезным и стабильным успехом, если, конечно, верить любовным признаниям на сохранившихся многочисленных открытках и фотографиях.

Переехав из Питера в Москву, он работал в универе и подрабатывал в женской гимназии, обучая юных дев латыни. Непонятно, что больше всего действовало на девиц – мертвый язык древности или шарм взрослого двадцативосьмилетнего мужчины, только барышни сходили по нему с ума. Попад в яркий благоухающий цветник юности, прадед решил, что пора жениться. На гимназической ярмарке невест он выбрал скромную милую семнадцатилетнюю Елену из хорошей семьи с прекрасным знанием немецкого языка. Через год по окончании учебы они поженились. Ее дворянские предки с примесью польской крови сочли брак мезальянсом, и новобрачной пришлось уйти из дома. Она поселилась у мужа в монастырской келье, где тот тогда обитал. Сегодня праде-праба семейные неурядицы кажутся пустяками по сравнению с происходившими в стране событиями. За окном бушевали одна революция за другой, гражданская война, голод, тиф. Но они не могли помешать молодой семье обзавестись дочерью. Появление первой внучки смягчило родительский гнев, и беглянка была прощена. А вот ее избранника принимали с большой неохотой. Наверное, прадед огорчился, но виду не показывал. Не забывая про научную и общественно-политическую карьеру, он интенсивно работал над материальным семейным благополучием. Мне кажется, он хотел доказать спесивым родственникам, что «щи хлебают не лаптем», а серебряной ложкой и кофий пьет из серебряного кофейника, а чай хоть и из стакана, да вставленного опять же в подстаканник из серебра. И это еще не всё – на изделиях из полудрагоценного металла стояли его, Фофочкины, инициалы. Как сложилась дальнейшая судьба родителей Елены, не очень понятно. Времена были, знаете ли, беспокойные. Иногда люди бесследно исчезали, и о них предпочитали не говорить.

Прадед Фофа трудился на полную пролетарскую катушку, создавая народные школы для малообразованной, как когда-то и он сам, молодежи. А для души он продолжал копать в «хронологической пыли». У дам прадед по-прежнему вызывал повышенный интерес, и Елена его ревновала. Особенно ей не нравилось, когда муж оказывался среди юных созданий, и каких! Несколько лет он преподавал историю в училище Большого театра, а параллельно учил латыни студенток иняза. И вот о чем я подумал: когда прадед был пастушком, он, как Лель из сказки про Снегурочку, очаровывал своих подопечных звуками самодельной дудочки. Но неужели неправильные глаголы забытого всеми нормальными людьми языка и какой-то там *ablativus* заменили белорусские напевы и будоражили неокрепшее воображение нимфеток лолит российско-советского происхождения? Я решил проэкспериментировать и применить латынь в охмурительных целях. Мой план сводился к следующему. Я выучил несколько знаменитых поговорок и, проникновенно глядя в глаза избранницы, шептал загадочные и непонятные слова: «*Barba crescit caput nescit*», «*Dum spiro spero*», «*Aquila non captat muscas*». В пере-

воде это означало: «Борода растет, голова не знает», «Пока дышу, надеюсь», «Орел не ловит мух». Представляете, на моих одноклассниц действовало!

В конце двадцатых годов прадед с семьей оказались в центре Москвы, на престижной улице с двумя архитектурными шедеврами зодчего Шехтеля. У Фофы и Елены родилась вторая дочь – моя бабуля. Она стала Фофочкиной любимицей, потому что внешне была на него похожа больше, чем две капли воды меж собой. По характеру девочки отличались, как весна от осени. Со старшей бывало очень непросто, а с младшей проблем не возникало. Со временем обе дочери нашли своих избранников, и Фофа не слишком-то их одобрял. Старшая сразу после войны родила девочку, а младшая через восемь лет – мальчика. Бабушка с дедушкой внуков поделили. Елена выбрала девочку, которая стала ее радостью и утешением.

Совершенно случайно я узнал тайну моей прабабушки Елены, которую Фофа называл Прекрасной и каждый раз при этом шутил: «Надеюсь, дорогая, что из-за тебя наша „семейная Троя“ не падет». Неужели он о чем-то догадывался? Дело в том, что в счастливой, благополучной и спокойной, на первый взгляд, жизни Елены было далеко не все так гладко. Однажды она встретила Париса, и верность ее дрогнула до такой степени, что она собралась оставить семью. Как в Древней Греции, так и в России XX века Парису явно покровительствовала богиня любви Афродита, потому что мозги моей прабабушке он запудрил основательно и чуть со двора Вспольного переулка не свел. Любовная история обернулась трагедией, как в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»: героиня ушла от мужа к любовнику, а тот исчез. То же самое случилось и с Парисом. Он исчез, а Елена зажила прежней жизнью и о судьбе возлюбленного так ничего и не узнала. Появление на свет моей двоюродной тетки в буквальном смысле спасло прабабушку от тоски и печали.

Что касается прадеда, то мне кажется, что женская составляющая его семейства порядком его утомляла в замкнутом пространстве двух комнатенок в общей густонаселенной коммунальной квартире. Не спасала и дача в кооперативе научных работников в подмосковном Отдыхе по Казанской ж/д. В общем, Фофочка проникся к внуку и стал прививать ему любовь к древней истории. Как подумаю, так мурашки по телу бегут. За три леденца монпансье из жестяной коробки мой тогда шестилетний папочка читал про Пунические войны и с мельчайшими подробностями пересказывал деду. Такие муки всего за три цветные сосульки, похожие на стекляшки! Да я бы в свои шесть лет не согласился подержать в руках книгу про военные разборки между Римом и Карфагеном даже за бутылку «пепси» с полкило шоколадных мишек! Впрочем, ничего подобного мне никто и не предлагал.

В 59 лет Елена Прекрасная ушла в мир иной – сердце не выдержало. А через три месяца за ней последовал Фофочка. Про них можно сказать, что, несмотря ни на что, жили они долго и счастливо и умерли почти в один день. Как в сказках с happy end'ом.

Однако вернемся к моему появлению у семейного очага. Если бабушка подкидывала в него материальные денежные поленья, то Манечка следила за его безупречным функционированием. Она поддерживала в очаге, а следовательно, и в доме комфорт и уют, что было непросто и трудоемко. Маня убирала, стирала, готовила, ходила в магазин и ухаживала за всеми членами семьи. К моменту моего рождения она жила в семье более тридцати лет и ненормированно трудилась на ее благо. Маня состояла членом профсоюза домработниц, получала и пенсию, и зарплату, и у нее всегда водились деньги. Уже много лет она была очень важным человеком в нашей ячейке общества, потому что несла на своих плечах колоссальную ответственность за воспитание подрастающего поколения. Для моего папочки Маня в детстве была второй мамой, ибо первая занималась карьерой.

В Москве Маня появилась сразу после войны. В столицу ее привезла из деревни старшая сестра Полина, проработавшая в доме прадеда десять лет. Неожиданно Полина вышла замуж и с согласия Елены Прекрасной заменила себя Марусей. Она взяла на воспитание малолетнюю дочь младшей сестры Люсю, а Маня поселилась на Фофочкином сундуке в коридоре. Ее иму-

щество состояло из крошечного фибрового чемоданчика и двух узлов: в одном были старый тулуп и теплый платок, а в другом – валенки, поношенное ситцевое платье и штопаная шерстяная вязаная кофта. И все же по сравнению с полуголодным существованием в деревне и тяжелыми работами на торфяных болотах жесткий сундук и Москва казались роскошью. Ведь к ним прибавлялись стабильная зарплата, бесплатное проживание и еда.

В сороковом году Маня вышла замуж, а в первые дни войны овдовела. Ее любимый Ванечка дочку увидеть не успел. Маня-Маруся была настоящей русской красавицей с огромными серо-голубыми глазами, длинными ресницами и толстенной русой косой вокруг головы. На столичном хлебушке и бесконечных пирогах она располнела, но лишний вес ее не портил. От нее веяло силой, здоровьем и уютом. Конечно, в Москве ей пришлось нелегко, пришлось многому учиться, ведь невозможно в один момент из деревенской жительницы превратиться в столичную даму. Маня трудностей не боялась, а учителя ей попались спокойные и терпеливые, поэтому она довольно быстро приспособилась к новой жизни. Труднее всего оказалось усвоить кулинарные премудрости. Однако хозяйка уверенно вела Манечку к успеху на новом поприще, а ученица демонстрировала упорство и тягу к знаниям. Мане многое удавалось в превосходной степени, но выпечка, котлеты, борщ и каши в ее исполнении не знали себе равных. С «тестечком» она дружила взасос. Ее слоеное дрожжевое тесто и, соответственно, пирожки из него с капустой и мясом я бы приравнивал к мировым шедеврам. Крошечные пирожки я поглощал десятками, особенно с капустой. Мне никогда не забыть два наивкуснейших торта в ее исполнении – «Наполеон» из двенадцати коржей с божественным кремом и «Сметанник» с не менее волшебными взбитыми сливками с лимонной цедрой. А какие она делала блины на масленицу!.. А по осени шарлотку из антоновских яблок.... А какую квашеную капусту мы ели всю зиму!.. А картофельное пюре с пухлыми воздушными котлетами... Пора остановиться. А я ведь не упомянул ни холодец, ни запеканки с мясом и соусом из белых грибов, ни манные котлетки, утопающие в клюквенном киселе, ни голубцы со сметаной, которые я мог есть только в ее интерпретации.

У Манечки обо всем имелось собственное мнение, особенно в том, что касалось приготовления еды и что полезно и питательно для ребенка. Если бы диетологи узнали, какое количество сливочного и топленого масла она использовала, то, уверен, они бы сошли с ума. Маня подвергала сомнению тезис о том, что сахар – это «белая смерть», а холестерин увеличивается от количества съеденных яиц. Пережив военный голод, она твердо знала, что хлеб и картошка – основа жизни, а мясо и сладости – предел продовольственных мечтаний любого человека. Маня вбила себе в голову, что каждый ребенок должен хорошо, то есть много, кушать – с аппетитом и часто. Более того, она напрямую связывала количество съеденного с человеческими качествами: хорошо кушает – хороший человек, плохо кушает – плохой. С этой точки зрения я был ужасным существом, но она меня все равно обожала. Точно так же до моего появления она обожала папулю и считала его своим сыночком не без основания. Она о нем заботилась с первых дней жизни, разве что грудью его не кормила. Это с успехом делала бабуля, у которой молока хватило бы и на трех младенцев. Она им заливалась и не успевала сцеживать, потому что целые дни проводила в библиотеке, заканчивая работу над кандидатской диссертацией.

Защита этой самой диссертации прошла чрезвычайно успешно и в рекордно короткое время. Ученый совет был потрясен видом промокшего на груди костюма соискательницы и единогласно и высоко оценил работу кормящей матери, не рвущей связи с наукой. Дома новоиспеченную кандидатшу всех самых педагогических премудростей ждали радостные и гордые ее достижениями родственники, праздничный обед и пухлый шестимесячный сыночек внушительных размеров. Не в пример мне, весовому середнячку, папа родился огромным. Он весил 5 кг 200 г и достигал 55 см. К моменту нашей с ним встречи он довел исходные данные до центнера при росте 194 см. В отличие от меня он никогда не страдал отсутствием аппетита, и мне постоянно ставили его в пример. Немудрено, что в моем детском сознании слова «хорошо

кушать» ассоциировались с главным отцовским достоинством. На вопрос «За что ты любишь папочку?» я с восхищением и завистью отвечал: «Он очень хорошо кушает».

Если еду и сон не считать проблемами, то я был легким ребенком, доброжелательным и «улыбчатым», но худеньким, что заставляло бедную Манечку невыносимо страдать. Когда она оставалась со мной наедине, то подвергала ужасной пытке. Левой рукой она обездвиживала меня на диване, а правой пыталась впихнуть в рот лишнюю ложку полезной с ее точки зрения еды. Получалось у нее это не всегда: я отчаянно сопротивлялся, плевался, кусался, а когда начал ходить, то вырывался из ее цепких рук, убегал и прятался.

Мама пользовалась другими методами кормления – никакого насилия. Она рассказывала всякие забавные истории, ставила пластинки с песенками и сказками. Ясное дело, все происходило в довидеокассетную эру, а мультики по телеку редко совпадали с расписанием моих трапез. Больше всего мне нравилось музыкальное сопровождение к мультфильму «Бременские музыканты». Автор песенок Олег Анофриев жил под нами этажом ниже. Чтобы привлечь его внимание, я с упоением бегал взад-вперед по коридору, стуча каблуками новехоньких ярко-красных ботиночек. Кажется, бабуля привезла их из очередной командировки в Прибалтику вместе с чашками, тоже красными. Манечке не нравились мои коридорные забеги, она пыталась их приостановить или хотя бы уменьшить громкость стука каблуков о паркет строгими словами: «Тише, тише, не топай так, а то Олега прибежит!» Естественно, ее замечания меня не останавливали. Я справедливо считал, что десять минут моей каблучной чечетки в дневное время не компенсируют поздневечерние Олеговы рулады: «Какая песня без баяна, какая Марья без Ивана...» Встречая меня в скверике возле дома, где я обычно гулял с Маней, Олег Андреевич грозил мне пальцем: «Ну, топотун, как поживаешь?» Я робел и прятался за Манечку. Вообще-то он был хороший дядька, с дедом моим дружил, а с папой они делили за домом гараж. На Олеговой половине всегда царил идеальный порядок, а на нашей – так себе, папе вечно было некогда. Зато у нас были веселенькие новые «Жигули», а у соседа какое-то черное чудище, которым он гордился, которое холил и лелеял. На нем он ездил на дачу, на рыбалку, а то и в лес за грибами – хозяйственный был мужик и рукастый, сам себе баню на даче соорудил. В свободное от хозяйства время он писал песни к фильмам, в которых иногда даже снимался.

Первые месяцы моей жизни не задались. То есть две недели прошли замечательно. Моя другая бабушка призвала ко мне педиатра старой формации, такого, кто прекрасно разбирался в младенцах. За консультацию стоимостью десять рублей – кстати, большие деньги тогда – врачиха давала простые и дельные советы по уходу за грудничками. Каждое утро начиналось с приготовления для меня вечернего успокоительного отвара. В течение дня в случае необходимости мама подмывала меня под краном в ванной комнате, насухо промакивая интимные места, чтобы не было потнички. А уж вечером после купания смазывала вазелиновым маслом или детским кремчиком, упаковывала меня в марлевые подгузники и бумагазные пеленки, а ручки, чтобы я не царапал личико быстро отрастающими ноготками, засовывала в «зайчики» – распашонку с защитными рукавами.

«Манечке не нравились мои коридорные забеги, она пыталась их приостановить или хотя бы уменьшить громкость стука каблучков о паркет...»

Теперь об отваре – рекомендую всем, у кого нервы сдают. Покупаете в аптеке без рецепта сухие травы: ромашку, валерьяну, зверобой, чистотел, дубовую кору. С утра пораньше завариваете их в кипящей воде в большой кастрюле в равных пропорциях, настаиваете весь день, а вечером процеживаете и полученную темную жидкость вливаете в наполненную водой ванну, укладываетесь в нее и лежите минут двадцать. Сия процедура, по мнению врачихи, должна была благотворно повлиять на меня, улучшить сон и сделать мой кожный покров чистеньким и гладеньким. Манечка посчитала, что если деньги «уплочены», то полученный совет не может быть плохим и ему надобно следовать. Встав пораньше, она начинала колдовать над огромной кастрюлей, в которой млели целебные травы. Честное слово, глядя на растрепанную старую тетеньку в ночной рубашке, стоящую у плиты с деревянной мешалкой для белья над дымящейся многолитровой емкостью, можно было подумать, что вы находитесь не на кухне московской квартиры, а в логове Бабы-Яги, где она варганит страшное зелье.

Не только купание, но и всю мою младенческую жизнь педиатрша расписала как по нотам. Теперь мамуля и Маняша знали, сколько раз и когда меня надо кормить, чем поить, когда укладывать спать и когда выгуливать на свежем воздухе. Не забыла она упомянуть и о том, чем и по сколько граммов можно начинать прикармливать.

Первые две недели протекали по расписанию: с утра на плите булькали бельевого бачок и здоровенная кастрюлища. Запашок от них шел не самый приятный. С травками можно было как-то примириться, а вот амбре от стружки из хозяйственного мыла, распространяемое баком с моими марлевыми подгузниками, ползунками и пеленками, отравляло всем существование, но было необходимо. Я терпеть не мог лежать в мокром, а так как на радость всем я писал и

какал регулярно, то запас чистенького бельишка быстро иссякал. Более того, в близлежащих аптеках почему-то закончилась и марля. Несмотря на успокоительную вечернюю ванну, спал я так себе. Мне нравилось, когда мама меня покачивала, напевая: «Спи, моя радость, усни...» Я задремывал, но ненадолго. Мне все время что-нибудь мешало: то ручки в «зайчиках» лезут в лицо, то пеленка не дает как следует взбрыкнуть ножкой, то перекусить захочется, то мочевого пузыря и кишечник начнут непроизвольно работать. С едой тоже не все ладилось. У мамы не хватало для меня грудного молока, как ни старалась она увеличить его производство. Маня укоризненно качала головой: «Сиськи-то у тебя невыразительные, откуда молочку-то взяться?» Да уж, по сравнению с Маниным размером бюстгалтера у мамули груди и вовсе не наблюдалось. Меня срочно требовалось переводить на дополнительное питание.

И вдруг я занемог: температура под сорок, пылаю, плачу... Все в панике. И в этот критический момент мамина мама, моя другая бабушка, вспомнила, что ее дальний кузен – врач-педиатр и работает на детской скорой помощи. Удивительно, но она молниеносно его нашла. Он в этот вечер оказался на дежурстве и в скором времени появился у моей кровати. Пока в гостиной родственники маялись, нервничали и прикладывались к рюмке с валокордином, мой сильно удаленный родственник меня осмотрел, пощупал и объявил, что младенец, то есть я, подцепил стафилококк, наверняка в роддоме, и меня необходимо немедленно госпитализировать. Обе бабушки начали заламывать руки, Маня стала всхлипывать, вспоминая, как много лет тому назад папулю увозили на скорой с полиомиелитом, а он, цепляясь за нее, кричал: «Мауся, Мауся!» Меня поместили в ту же Морозовскую детскую больницу, где лечили папочку. Я ничего не выкрикивал, потому что не успел овладеть ни единым словом и мог только жалобно всхлипывать.

О пребывании в стационаре Морозовки я сохранил смутные подкорковые воспоминания. Мама навещала меня дважды в день. Она обзавелась собственным белым халатом, который надевала, прежде чем меня к ней выносили в специализированную комнату свиданий. Она нежно прижимала меня к своей не кормящей более груди, пока я потягивал из бутылочки полезную молочную смесь. Потом я засыпал, и она сидела, охраняя мой сон и боясь пошевелиться. Иногда в комнату заглядывала зав. отделением, с которой моя другая бабушка незамедлительно свела знакомство и подарила два билета в Большой театр на балет «Дон Кихот». Клара Сергеевна нравилась абсолютно всем. Ее улыбка успокаивала как беспокойных младенцев, так и их родительниц. Ей безоговорочно верили, что все будет хорошо. Она почему-то говорила маме, что у меня глазки-вишенки. Я никак не мог понять, почему ей мои мутные глазенки кажутся спелыми ягодками. Наверное, многолетний опыт работы с тысячами грудничков безошибочно подсказал ей будущее, потому что со временем мои глаза стали, как и папины, яркими и блестящими, словно спелые вишни. Жаль, что я не унаследовал его длинные, густые ресницы вместе с копной волос.

Сделав все возможные анализы в клинических условиях, меня отпустили домой, и я во второй раз торжественно занял место инфанта в нашем маленьком семейном королевстве. Жизнь вошла в привычную колею. Теперь в дневном расписании появился массаж, удлинились часы пребывания на «свежем» московском воздухе. На прогулку я выезжал в новой темно-синей коляске. Внешне я напоминал кулек из чего-то ворсистого, перевязанный синей лентой с огромным, опять же синим бантом (это чтобы меня не перепутали с девочкой). На голову мне надевали теплую шерстяную шапочку, а для того, чтоб она меня не кусала, под ней скрывался ситцевый чепчик. Впрочем, если бы вы заглянули в сей экипаж, то увидели бы лишь конверт из искусственного меха, где я прятался от холода, прикрыв лицо старинным брюссельским кружевом. Его я получил в подарок от прабабушки. Они вдвоем пережили все русские революции и войны.

Изменился и мой рацион после выхода из больницы. За время моего отсутствия другая бабушка развернула бешеную деятельность по добыванию качественного импортного сухого

молока для деток в возрасте от 0 до шести месяцев. Она одержала победу над всеми трудностями, написав слезное письмо в Швейцарию, куда еще до Первой мировой войны уехала учиться тетка ее матери. В Цюрихе она вышла замуж за владельца психиатрической клиники и в Россию не вернулась. Ее дочь однажды приезжала в Москву и виделась с кузиной своей матери, то есть моей прабабкой, и ее дочерью. Именно этой дочери, посетившей первый раз в жизни советскую столицу, и было отправлено душещипательное послание о тяжело заболевшем ребенке, коим был я. К моменту получения ответа я уже выздоровел и нашел в себе силы радоваться наличию в Цюрихе супер-супердальних родственников, а причина для радости была серьезная и весомая. К короткой ответной записке прилагалась внушительная картонная коробка с жестяными банками детского питания из сухого молока элитных коров, пасущихся на альпийских лугах. К коробке крепился конверт, а в нем лежала визитная карточка из плотной бумаги со словами: «Cher Bebe, Bon appetit. Ta grand-grand-grand Baboushka». Посылку любезно привезла милейшая дама, приятная во всех отношениях, – вдова великого композитора Дмитрия Шостаковича. Она жила в известном всей Москве доме композиторов, что в Брюсовом переулке, и была знакома с моей другой бабушкой, которая работала в редакции музыкального журнала, прописанного по тому же адресу, что и такие известные творцы, как Арно Бабаджанян, Оскар Фельцман и Арам Хачатурян.

Итак, я получил качественное швейцарское молоко почти мгновенного разведения и с удовольствием его потреблял. Я быстро прибавлял в весе, издавал положенные младенцу звуки, улыбался, дрыгал руками-ногами и провожал глазами шумную погремушку. Не ладилось по-прежнему лишь со сном. Я просыпался в три-четыре утра и требовал не только хлеба, но и зрелищ. Помимо положенной ночной бутылки с молоком я хотел внимания и общения. Именно в это время суток я слышал от мамы самые ласковые слова: «Моя крошка, Мой сладкий птеник, Солнышко, Красавчик мой, Любименький, Сокровище мое, Котенок, Зайчик ненаглядный...» Мама смотрела на меня с обожанием и с надеждой, что все же я засну наконец. Не тут-то было! Я продлевал удовольствие, нарочно кряхтел и тужился, я всеми способами добивался, чтобы мама взяла меня на руки, а она не брала, ибо считала, что нечего дитятю баловать. Вместо тактильности она использовала движение кроватки туда-сюда, на расстояние вытянутой руки, и голосовое влияние на мой слуховой аппарат. Она все время что-то рассказывала. Однажды сказала, что возле моей кроватки видела фей. Они меня разглядывали, хихикали и переговаривались между собой.

– А он миленький, – произнесла одна.

– Симпатяшка, – сказала другая.

– Слишком любит внимание, – добавила третья. – Впрочем, кто его не любит?

– Кто он у нас по знаку зодиака?

– Ах, Весы... Неплохой знак, но слишком подвержен колебаниям...

– А в какой год он родился?

– В Год лошади. Тоже неплохо.

– Смотрите, ножки у него длинные и стройные. Будет с девчонками и со спортом дружить.

– Лучше бы с науками и со здравым смыслом дружил...

И вдруг одна из фей, понизив голос, озабоченно произнесла:

– Ах, что бы мы с вами тут ни решили, от нас мало что зависит. Последнее и решающее слово всегда остается за всемогущей волшебницей Генетикой. С ней не поспоришь.

Фей печально покачали головами и исчезли.

Мамин рассказ произвел на меня впечатление, и теперь в моих беспечных сновидениях стал мелькать зловещий призрак недоброй и всемогущей Генетики. К счастью, я плохо пока представлял, что такое есть наследственность, и дурные предчувствия удавалось гнать прочь. Я снова начал улыбаться во сне. Я твердо верил, что рядом со мной находятся силы, которые придут на помощь и защитят меня от всех напастей.

Внешне мои покровительницы походили на тех милых дам и родственниц, которых я уже успел встретить на своем пути. После первых членораздельных слов «мама-папа-баба» последовали имена моих фей. Главную бабушку я называл Татой, другую бабушку – Валею, а ту, которая больше всех обо мне заботилась и больше всех проводила со мной времени, бдила и контролировала меня, – Маней. Когда я стал лихо произносить звук «р», то появилась и прабабушка Вера. Признаюсь со стыдом, что милую девяностолетнюю Верочку я ужасно обманывал. Мы с ней играли в карты, я жульничал без зазрения совести, прятал козыри в рукава и, конечно, всегда выигрывал, радуясь нечестным победам. Напрасно я это делал: Верочка мне отомстила, когда я стал школьником. Она обожала задавать мне вопросы по литературе. Частенько они оборачивались для меня постыдным незнанием, кто автор того или иного произведения или откуда эти строки. У Веры, несмотря на преклонный возраст, сохранилась великолепная память. Она могла наизусть читать главы из «Евгения Онегина», помнила многие стихи любимых поэтов – Блока, Пастернака, Ахматовой...

Самый крупный литературный позор я пережил во время празднования Верочкиного столетия. Я тогда уже учился в Англии, и мы долго и нудно проходили «Короля Лира». Вера стала пытаться меня, как звали его дочерей, шута, главного плохиша и т. д. Я считал, что король Лир – полный идиот, и постарался как можно быстрее забыть историю про глупого короля, и вдруг пришлось сдавать экзамен любительнице творчества Шекспира – моей столетней прабабушке. Я отшучивался как мог, мама бросала на меня укоризненные взгляды, а папа начал сожалеть о потраченных на мое образование средствах. На сей раз мое блестящее чувство юмора меня подвело.

Верин юбилей мы праздновали в Кратово на папиной даче, доставшейся ему в наследство. Здесь я провел много счастливых летних сезонов. В тот чудесный августовский день я и предположить не мог, что вижу прабабушку в последний раз, что вместе с ее уходом уйдет в прошлое и беззаботный кратовский период жизни.

Самовар баронессы фон Мекк

Мне еще и полгода не исполнилось, еще снег на улицах Москвы не истаял, а меня с Манечкой перевезли на дачу в Кратово – мол, малышу надобен свежий воздух. Только про элементарные удобства мои дражайшие родственнички как-то подзабыли: ни тебе канализации, ни телефона, ни водопровода, ни нормального отопления. Газ привозили в огромном баллоне, которого с трудом хватало на месяц. Вода добывалась из колодца во дворе. Деревянное строение типа сортир с выгребной ямой пряталось за гаражом, где складировались дрова для печки и хранился всяческий хлам. Огромная печь занимала полкухни и обогревала хозяйскую половину дома из двух комнат и летней застекленной терраски. Вторая половина, летняя, сдавалась. Как известно, любой дом требует ухода и затрат. За полученные от дачников деньги производился необходимый срочно требовавшийся ремонт: то крыша течет, то забор падает... Только через несколько лет путем невероятных усилий удалось провести стационарный газ. Он позволил установить котел и обезобразить дом страшными трубами и батареями. Шпарили эти гофрированные железяки с таким пылом, что в доме нечем было дышать, хотя паровой газовый дракон и работал на минимальную мощность. В колодец удалось опустить насос, который беспрерывно ломался, но все же иногда качал воду.

Несмотря на все бытовые трудности, свежий воздух делал свое дело – я крепчал день ото дня. Практически минуя сидячий период, я, держась за перекладины кровати, встал на ножки. Зубы полезли как грибы в теплую погоду после дождя. Я стал выразительно мычать и громкими воплями напоминал, что надолго нельзя оставлять меня в одиночестве. Думаю, в эти первые месяцы нашей с Маней жизни в Кратово она вспомнила свое давнее деревенское житье-бытье, когда и печь истопи, и воды нанеси, и в избе приberi, и еду приготовь, и попу ребенку подотри, и... Трудности быта Маню не пугали, потому что она была единовластной хозяйкой в доме и я полностью ей принадлежал. Мама старалась приезжать как можно чаще, хотя и вышла на работу. Она появлялась к вечеру с сумками, полными продуктов, и мы с ней прекрасно проводили время. У меня чесались десны, и я все время мусолил сушки. Особенно мне нравились «челночки» – продолговатенькие такие, не очень жесткие и сытные. По воскресеньям появлялся папа с полным багажником всего самого необходимого. Каким-то образом за неделю мы с Маней уничтожали все запасы, особенно быстро исчезали мясо и туалетная бумага. Мыши, что ли, ее ели...

Папа брал меня на руки и подбрасывал вверх под Манины причитания: «Осторожно, не урони!» Я от страха и радости повизгивал. Но больше всего мне нравилось сидеть у папы на коленях за рулем «Жигулей», когда он напевал: «Крепче за баранку держись, малыш». Может быть, поэтому я и полюбил авто с младенчества. Пока родители исполняли вокруг меня воскресный танец, Манечка готовила обед выходного дня. Как правило, это были борщ и котлетки с картофельным пюре. За столом Маня с умилением наблюдала, как папуля поглощает котлеты. Она грустно вздыхала: «Вот если бы Всеславик так кушал...» Рано утром в понедельник папа «делал мне козу» и отбывал в Москву работу работать, до следующего воскресенья.

Ездить на дачу и с дачи на личном транспорте было не намного быстрее, чем на общественном. Мама тратила на дорогу от одного порога до другого всего 102 минуты. В иерархии подмосковныхдыхательных мест наше Кратово, как и все направление Рязанской ждэ, неплохо котировалось. Летом повышенным спросом пользовалась Малаховка, от нее с небольшим отрывом шли станции Ильинская, Быково, Отдых, 42 км, ну и наше Кратово. Таковым оно стало в 1930 году, когда советское правительство решило посмертно отблагодарить большевика Ивана Крата за всё хорошее, что он успел сделать.

До переименования это был дачный поселок Прозоровский. Основал его в 1899 году тогдашний владелец здешних земель Прозоровский-Голицын. Через десять лет богатенький

барон фон Мекк перекупил поселок. Начитавшись Чехова, барон вознамерился посрамить торгашей-нуворишей Лопахиных и превратить свое приобретение в почти вишневый сад с дачами для москвичей. В памяти народной фамилия фон Мекк сохранилась, только не мужа, а его жены-баронессы. В Кратово до сих пор все знают, что богатая аристократка дружила с Петром Ильичом Чайковским и на веранде своего дома распивала с ним чай из серебряного самовара. Легенда красивая, но, увы, действительности мало соответствует. Дело в том, что великий композитор умер в 1893 году, когда поселка Прозоровский даже не существовало. Однако местные старожилы не дают сбить себя с толку и в ответ на вопрос «Где эта улица, где этот дом фон Мекк?» уверенно машут рукой в сторону озера, за которым якобы и находилась дача покровительницы и друга автора знаменитого Первого фортепианного концерта.

Когда меня спрашивали о местоположении нашей летней резиденции, я отвечал, что живем мы по соседству с Голицыными. Сам не знаю почему, но князья мне импонировали больше, чем большевики. С ветеранами революции нас разделяли железнодорожные пути. Мы жили справа по ходу поезда из Москвы, а они на своих огромных участках гнездились слева. Наша часть поселка срасталась с окраинами города Жуковского, а партийная – с Отдыхом. Партийцы отдыхали на своих гектарах летом, пользуясь заслугами прошлого, а мы на наших сотках проживали круглый год, потому что некоторые из нас трудились на благо отечественной авиации. Я-то еще нигде не трудился, а вот мой дед по отцовской линии начинал свой рабочий путь в ЛИИ (Летный исследовательский институт). Его мама – и моя, следовательно, прабабушка, которую тоже звали Елена, – в восемнадцатом году бежала из родной станицы не то от белых, не то от красных. Ей пришлось переплывать реку, и крошку-сына она привязала к спине – по крайней мере, так гласит семейное предание. После долгих скитаний по стране она второй раз вышла замуж за хорошего, очень хозяйственного человека. Они обосновались в Подмосковье, где она и проживала до самой смерти. В мир иной она отошла за три месяца до моего рождения.

Елена никогда не вспоминала первого мужа, а его исчезновение объясняла по-разному. По одной версии он, как Чапаев, погиб, переправляясь через реку Кубань, по другой – ушел с красными и не вернулся с гражданской войны. Правда открылась совсем недавно. Мой папа нашел его фамилию среди тех, кто с белой армией бежал из России сначала в Сербию, а оттуда уехал в Канаду, где и скончался через несколько лет. Жаль, что наследства не оставил. С другой стороны, оно и к лучшему, а то обвинили бы прабабку в измене Родине или объявили канадской шпионкой и расстреляли бы.

Да, с наследствами мне не повезло. Прадеду по материнской линии в 1937-м расстрельно-репрессивном году пришла повестка из Инюрколлегии. В назначенный день он туда явился, а ему и говорят: «Товарищ, вам из Аргентины письмо. Вы теперь владелец крупного состояния. Извольте расписаться и получить». Дед перепугался до смерти, открестился от неожиданно объявившихся родственников. Знать он ничего не знает и не ведает, не имеет никаких связей за рубежами Советской родины, и от врагов ему ничего не надо. Пусть наше государство по своему усмотрению использует капиталистические денежки. Инюрколлегия усмехнулась и прадеда отпустила. Однажды, сильно выпив и закусив, прадед под большим секретом рассказал дочери, что задолго до революции семнадцатого года половина их деревни рванула в поисках лучшей доли в Аргентину. Вполне возможно, что кто-нибудь из его многочисленных дядьев и вспомнил о бедном родственнике в далекой стране Советов.

Прошло много лет. Мой прадед давно покоится на Немецком кладбище вместе с двумя своими младшими братьями и второй женой. И вдруг глубокая государственная перестройка возбудила среди его потомков интерес к аргентинскому наследству. Больше всех им заинтересовалась кузина бабушки Вали, которую я звал «тетушкой И». В постсоветском пространстве началась новая эра. Все мечтали быстро, без проблем и особого труда получить большие деньги. Почти все хотели халявы, но далеко не все понимали, как ее раздобыть. Кое-кто

решил уехать в надежде торговнуть своими мозгами там, где за них хорошо платят, например в Штаты. Многих накрыла волна вполне легальной эмиграции, обрушившаяся на наше общество. Потащила она за собой и тетушку И. Совершенно неожиданно для всех она фиктивно вышла замуж за отъезжавшие в Америку светлые мозги в области молекулярной физики. Зачем мозгам понадобилась фиктивная жена – неясно, в отличие от тетушки И, которая ничуть не скрывала своих планов. Она поставила перед собой цель добраться до аргентинского наследства. Не найдя в рассекреченных для широкой публики архивных документах упоминаний о латиноамериканских деньгах, она решила, что, перебравшись за океан, ей будет проще найти родственников и завещанное состояние. В общем, наследство стало ее идеей фикс и манило бедняжку похлеще, чем Синяя птица счастья из знаменитой пьесы бельгийца Метерлинка.

Кстати сказать, тетушка И отнюдь не была обездоленной «сироткой Хасей» или маргиналкой. У нее самой имелись неплохие «мозги», позволившие ей защитить кандидатскую диссертацию и успешно преподавать в должности доцента коррозию металлов в высшем учебном заведении, готовящем специалистов по стали и сплавам. У нее была прекрасная квартира в центре Москвы, и она обожала культуру во всех ее проявлениях. Она посещала поэтические вечера и хранила сборники стихов с автографами Вознесенского, Евтушенко, Рождественского, Дезика Самойлова, Наума Коржавина, Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы. Тетушка доставала билеты на все театральнo-балетно-оперные премьерные спектакли и каждую неделю непременно наслаждалась концертами классической музыки в консерватории. Само собой разумеется, что ни одно открытие художественной выставки также не проходило без ее присутствия. Ею всегда покупались абонементы на кинонедели и кинофестивали. Она вела страшно интересную и насыщенную жизнь, прекрасно готовила и ни с кем не ссорилась. Чуть не забыл – она увлекалась шахматами. Неплохо играла и всегда находила время, чтобы и со мной сразиться. К сожалению, она всегда выигрывала у меня, и я старался не садиться с ней за доску в клеточку, предпочитая партнеров послабее. Обыграть ее мне удавалось лишь в шашечные поддавки или в карточный «джокер», что я и делал с глубоким внутренним удовлетворением.

За океан тетушка И отбыла в начале девяностых прошлого века, обосновалась в городе Кливленде и поразительно быстро американизировалась. Время от времени она звонила своей кузине и моей маме, чтобы похвастаться, как хорошо она устроилась, и прокричать в трубку, что мы загниваем в нашей затхлой Европе, пока они купаются в океане свободы, демократии и неограниченных возможностей. Коррозию металлов и светскую столичную жизнь она заменила выносом ночных ваз в местном госпитале, где через несколько лет и умерла от рака.

Судя по всему, следов наследства ей так и не удалось отыскать. А моя бабушка Валя, сиречь ее кузина, подсыпала на незаживающую рану искательницы толику соли, жестко над ней подшутив. В одном из коротких телефонных общений бабуля невзначай упомянула, что собирается вступить в права наследования сахарным заводом в Аргентине. Тетушка И возбудилась невероятно и позвонила моей маме узнать подробности. Мама ни о каком заводе и слыхом не слыхивала, о чем тетке и сообщила. Та не поверила, решила, что ее хотят обойти, вусмерть обиделась и прекратила общение с московскими родственниками. Вот так невинный, казалось бы, розыгрыш обернулся разрывом русско-американских семейных отношений.

Если аргентинское наследство – это всего лишь фамильная легенда, то английское было очень даже реальным. Кузина прабабушки Веры в 1926 году вышла замуж за англичанина и переехала на Туманный Альбион. На долгие годы связь с ней была прервана и восстановлена лишь в конце шестидесятых. Она звала Верочку приехать в Лондон, но та так и не собралась, а в год Московской Олимпиады английская кузина умерла от эмфиземы легких: она до последнего дня курила сигареты «Winston» и для улучшения сна выпивала на ночь 100 граммов виски «Bells». Денег у нее особых не было, она жила на проценты с капитала, оставленного ей вторым мужем – профессором-ихтиологом. Однако средств ей хватало и на сигареты, и на спиртное,

и на ежегодный двухнедельный отдых на Майорке. Детей у нее не было, и скромные остатки профессорских денег получил ее саратовский племянник, а московской кузине Вере по почте пришли завещанные ей восемь коробок с отрезами тканей, купленными на распродажах, и всевозможными швейными принадлежностями: нитками, иголками, пуговицами, ножницами, выкройками... И прабабушка, и ее кузина прекрасно шили.

Английское наследство казалось восхитительным в условиях стабильного советского экономического застоя и затяжного дефицита начала 80-х XX века. Кудесница Вера несколько лет превращала лондонские куски тканей в элегантные наряды для себя и мамы. Мамуля до сих пор хранит самые удачные из них. Замечу, что даже по сегодняшним меркам винтажные туалеты из тафты, муара, натурального шелка, шерстяного трикотажа, поплина, крепдешина выглядят шикарно. На сто десятую годовщину со дня Верочкиного рождения мамуля устроила ретро-выставку одежды, сшитой прабабушкой. Круто получилось, я вам доложу. Не могу не согласиться с маминой шуткой о том, что если бы Вера уехала во Францию с первым своим женихом из белых офицеров, то неизвестно, кто бы тогда взошел на пьедестал, занятый Коко Шанель. Безусловно, Верунчик обладала отменным вкусом и превосходным чувством стиля. И первое, и второе я от нее унаследовал. Теперь-то я понимаю, что имели в виду добрые феи, собравшиеся у моей колыбели: всемогущая Генетика решает всё или почти всё.

Однако пора возвращаться в Кратово моего детства. Итак, за три месяца до моего появления на свет прабабушка Елена его покинула и ее четырнадцать соток с деревянным срубом из четырех комнатенок с печным отоплением и двумя террасами, а также летний павильончик, гараж и одичавший сад перешли во владение папули. Он решил, что теплая зимняя дача помешать не может и даже, наоборот, в хозяйстве пригодится. Одно плохо – ухода она требовала и денежных затрат. А где взять время, когда надо диссертацию защищать, карьеру делать, работу работать. А тут и сынок родился. Пришлось главной бабушке Тате взять на себя контроль за техническим состоянием образовавшейся собственности. Надо сказать, что этот дом по адресу: поселок Кратово, II Береговой проезд, дом 4 – сыграл в жизни Таты огромную роль, определившую всю ее жизнь. Произошло это летом 47-го года. То, что случилось в этот день, прекрасно иллюстрирует русскую народную мудрость: не было бы счастья, да несчастный случай помог.

Дело было так. Лето, жара, воскресенье. Вся семья пра Фофочки и пра Елены собралась на даче в Отдыхе. Бабуля изнывала от скуки: ей скоро будет двадцать, она взрослая барышня, и кавалеры отрочества из летних отдыхающих ей уже не интересны. А бывало очень даже весело. Однажды вся малолетняя компашка, в которой тринадцатилетняя Татуля исполняла роль звезды, напилась портвейна. Дешевый сладкий напиток стащил из родительского буфета юный поклонник профессорской дочки. Он угостил не только даму сердца, но и всех приятелей. Портвейн произвел на подростков ошеломляющий эффект и привел их в состояние полной недееспособности. Тата на автопилоте добралась до родной дачи и, войдя на участок, рухнула под первый куст бузины справа от калитки, где и заснула. Нетрезвую отроковицу обнаружила старшая сестра. В семье случился грандиозный скандал. Профессор топал ногами и кричал любимой дочери, что она его позорит. Любимая дочь осознавала свою вину и больше никогда не валялась под бузиной ни в алкогольном состоянии, ни в каком другом.

Прошли годы. Из гадкого утенка-подростка бабуля перетекла в состояние молодой лебедки, очень даже симпатичной. В воскресный летний пригожий денек ей совсем не улыбалось лежать в шезлонге на террасе и делать вид, что она в восторге от сюсюканья бабушки с внучкой и детских писков годовалой племянницы Ля-Ля. Хотелось на пляж, позагорать, искупаться, вот и решили сестрички проехать остановку на электричке до станции Кратово, откуда до озера пять минут и где наверняка полно знакомых, приятно проводящих выходной денек. Ля-Ля поместили в коляску, а рядом пристроили детские игрушки, свои купальники, подстилку, питье для ребенка и одно полотенце на всех. Свободное местечко у воды нашли

с трудом, расстелили старое одеяло, усадили на него девочку, всучили ей ведро с лопаткой и стали оглядываться в поисках знакомых лиц. Лица отыскились, сестры вступили с ними в разговоры, которые прервал истошный ребенковский вопль. Оказалось, что Ля-Ля сползла с подстилки на траву, где ее ножка неожиданно встретила с неопознанным острым предметом. Он не только пребольно уколол девочку, но и окрасил кровью ее правую ступню. Мама пострадавшей не растерялась, взяла ее на руки, стала успокаивать и скомандовала младшей сестре: «Быстро собери вещи в коляску и за мной!»

Недаром моя двоюродная бабушка окончила медицинский институт. Она вспомнила, что на улице, ведущей от станции к озеру, живет бывший муж ее сокурсницы. Наверняка, в его доме, где она раньше бывала, они найдут необходимое для оказания первой медицинской помощи. Через несколько минут бабуля с коляской и ее сестра с ревущим окровавленным ребенком решительно вошли в калитку и увидели роскошную трофейную немецкую машину и две торчащие из-под нее мужские ноги. Ноги немедленно откликнулись на встревоженные женские голоса, и перед дамами предстал высокий стройный интересный почти тридцатилетний мужчина. Уверен, вы уже догадались, что это был мой будущий дед. Конечно, дитятке была оказана необходимая помощь, а владелец «штейера» счел необходимым отвезти пострадавшую и ее родственниц с коляской в Отдых. Похоже, в этот воскресный летний день образовалось двое раненых – маленькая Ля-Ля и brave молодой инженер из Летного института. Стрела неугомонного Купидона пронзила его навзлет.

Пока не кончился дачный сезон, каждый вечер в час назначенный перед профессорской калиткой останавливалось авто с открытым верхом и увозило мою бабулю на прогулку. Долго ли, скоро ли, но однажды очередной автопробег закончился появлением в паспортах молодых людей штампов. И стали они мужем и женой. Нашлись недоброжелатели и завистники, пустившие слух, что новобрачная продана за четыре колеса. Да за такие колеса, скажу я вам, любая бы не задумываясь выпрыгнула из крепдешинового платья, шляпки и чернобурой лисы через плечо. К сожалению, от трофейного лимузина остались рожки да ножки, а точнее – сиденья и руль. Произошло это следующим образом. Возвращаясь с работы в ЛИИ домой в Кратово, дед врезался в бетонное ограждение. Авто, несмотря на солидное немецкое качество, удара не выдержало и пришло от столкновения в полную негодность. Хорошо еще, что сам жив остался, а на память о возлюбленной машине он сохранил вышеупомянутые сиденья и руль. Именно их через много лет папуля извлек из гаража и обустроил с их помощью для меня и моих корешей Коли и Вени стационарный невсамделишный автомобиль под раскидистым деревом у колодца. Мы располагались на настоящих кожаных сиденьях, пролежавших в пыли и забвении почти сорок лет, но не потерявших ни формы, ни цвета, и по очереди самозабвенно рулили. Я на время превращался в пилота Формулы-1, Коля воображал себя водителем ЛиАЗа, а Венья работал таксистом.

Коля и Венья были двоюродными братьями. Их родители дружили с моей мамой, а их бабушка была первой возлюбленной и даже невестой моего деда по материнской линии. В нашей семье ее все звали тетей Асей. Так получилось, что Коля с Веней и их родственниками снимали у нас половину дома и летний павильончик. Кузены были неразлучны, и мальчиков называли ВениКами. Я с ними подружился, и втроем мы прекрасно проводили время. На троих у нас была одна подружка Ирочка с соседней дачи слева от нас. Веники были в нее влюблены, а она в меня. Мне она нравилась, и мы все прекрасно ладили. Как единственного маленького ребенка в семье Ирочку баловали, она капризничала, а меня призывали повлиять на ее привередливые «не хочу» и «не буду». Я на Ирусины «вычурные» действовал магически: они меня боялись, прятались, и девочка превращалась в ангелоподобное существо с золотистыми кудрями и голубыми глазками.

«Я на время превращался в пилота Формулы-1, Коля воображал себя водителем ЛиАЗа, а Веня работал таксистом...»

Самые большие трудности у нее возникали с потреблением козьего молока. Она не понимала, насколько продукт полезен и с каким трудом он достается ее родителям. Маленькая дурочка нос воротила от целебного напитка, тогда как другие дачники готовы были сражаться за это млеко до последней своей копейки. Странно, но мне оно нравилось, и меня ничуть не смущало, что мою персону используют в качестве наглядного примера: «Смотри, Всеслав пьет с удовольствием. Теперь твоя очередь». Ирочка с восторгом смотрела, как содержимое стакана исчезало у меня во рту, и тоже делала несколько глотков. Родители были счастливы.

Ирочка меня обожала, но я не злоупотреблял визитами на соседний участок, хотя там было чем поживиться. У них росла отличная малина, и заросли крапивы не мешали подбраться к кустам. Иришка сама приносила мне самые спелые ягоды, которыми я почти честно делился с Вениками. Мы садились на ступеньки нашего крыльца и в мгновение ока их уничтожали. На этих же ступеньках Ирочка проводила долгие часы, когда я болел ангиной, а ее ко мне не пускали. Я лежал на террасе с завязанным горлом и без голоса. Мне было больно глотать, я был так несчастен! А Ирусик пыталась меня развлечь, сидя под закрытой дверью. Она увлеченно пересказывала мне содержание индийского фильма про любовь, который посмотрела в местном клубе вместе с мамой. Она даже пела до ужаса писклявым голосом какие-то заунывные мелодии и, судя по одобрительным возгласам и хлопкам в ладоши Веников, свое занудное мяуканье сопровождала танцевальными па. От ее концерта у меня заболела голова, но я даже пожаловаться не мог. Спасибо Манечке, она увела меня в дом, потому что с ее точки зрения стало холодать, хотя на дворе хозяйничал месяц июль. Я подозреваю, что Маня меня приревновала к малолетней поклоннице или ее, как и меня, раздражало Ирочкино попискивание. Впрочем, от моей заботливой феи домашнего очага можно было ожидать чего угодно.

Однажды, еще в довениковую эпоху, летний флигель сдали одинокой вежливой образованной пожилой даме с престарелой одноглазой и мелкой собачонкой. Дама вела себя образцово, но Маня сумела вдребезги с ней разругаться и перестала даже здороваться. Мне неприятно, что невольно я стал поводом разрыва отношений между представительницами колхозного крестьянства и нашей советской интеллигенции. По малолетству я вел размеренный и здоровый образ жизни, регулярно освобождая животик от калообразующих масс в новенький эмалированный горшочек. Маня торжественно выносила его во двор и закапывала содержимое под яблоню, считая, что это лучшее в мире удобрение и плоды штрифеля станут вкуснее. В тот злосчастный день Маня заканчивала подкормку фруктового дерева, как вдруг двери флигеля распахнулись и с мерзким тьявканьем во двор выскочил одноглазый песик, а следом за ним

на крыльце жилища появилась его хозяйка. Глядя осуждающе на Манечку, она возмущенно сказала:

– Мария Федоровна! Прошу немедленно прекратить закапывать фекалии под яблоню. Моя собака их раскапывает и пачкается. Я вынуждена ее купать каждый день в теплой воде с шампунем.

Маня изумленно уставилась на дачницу, употребившую странное и незнакомое слово. И хотя Маня уже более тридцати лет жила в профессорской семье, все же иногда ее ставили в тупик загадочные словечки типа «фекалии». Общий смысл, однако, она уловила правильно, но незнание основ агротехники вызвало у нее негодование. «Выдает себя за интеллигентную, а не знает, что человеческое говно и птичье дерьмо – лучшие удобрения после навоза», – подумала Маня про себя и затряслась от возмущения. Упершись левой рукой в бок, правую она сжала в кулак и, помахивая им в сторону дачницы, грозно произнесла:

– Мои какашки, моя яблоня, куда хочу, туда и закапываю! – после чего скрылась в доме, лишив противницу возможности новой атаки.

Да, наша Маня за словом в карман не лезла и обогащала наш семейный словарный запас. До сих пор у нас в ходу некоторые из ее выражений. Например, рассматривая полученные нами подарки, мы их оцениваем по Манечкиной шкале: «Хороший подарок. От кого он? Этого зови в следующий раз, его и покормить не жалко!» Не менее удачна и ее оценка купленных обнов. После долгого разглядывания, вопросов о цене и откель вещь к нам приехала следовал приговор: либо вещь стоящая, и ее по праздникам надевать не стыдно, либо покупка «мимо кассы» и годна только «для сменки».

Маня неплохо разбиралась в людях, подмечала их недостатки и слабости. Мнение свое держала при себе, но по ее поведению всегда можно было определить, как она к человеку относится. Если ей кто-то нравился, то она кормила его на убой, а если расположения не заслужил, то избегала любого угощения. Я ее хорошо понимал. Для того, кто голодал долгие годы войны, еда была самой большой наградой. Если честно, то все в нашей семье к Мане подлизывались, ведь от нее – и только от нее – зависел наш повседневный комфорт. Ее задабривали подарками, она их очень любила и немедленно отвозила дочери Люсе.

Люся была – прелесть! Добродушная, пухленькая, светленькая, глазастькая и гостеприимная. Она закончила кулинарный техникум и работала поваром в детском саду. Мне не очень нравилось, как она готовит, до мамы ее ей было далеко, и потом она всюду добавляла томатную пасту, которую я терпеть не мог, даже больше, чем гречневую кашу. Люся дважды была замужем и оба раза за одним и тем же дяденькой Женей. Когда Люся встретила его в первый раз, ей исполнилось восемнадцать, а он только-только демобилизовался, отслужив положенные два года. Он много шутил и улыбался, активно и успешно ухаживал за девушками, был смугл, черняв и темпераментен. Блондинка Люся от него млела, в результате чего обнаружила, что беременна уже четвертый месяц. Женя пытался улизнуть, но мой дед вступился за честь соблазненной им девушки и, мягко говоря, склонил молодца к немедленной женитьбе. В качестве свадебного подарка дед устроил жениха лаборантом к себе на кафедру в Горный институт, где тогда служил. Вскоре у молодоженов родился мальчик, сильно похожий внешне на своего папашу, а мой дед выхлопотал для них комнату в коммуналке у метро «ВДНХ».

Шло время, и темпераментный Женя принялся погуливать, сначала слегка, а потом и всерьез. Чтобы его удержать, Люся родила девочку Олечку, но ее расчет не оправдался. Ребенок не только не удержал любвеобильного Женю, но совсем наоборот – спровоцировал его уход на сторону. Бедная Люся страшно переживала. Маня зятя прокляла, а заступник и благодетель мой дед помочь ничем не мог, потому что подвел мотор и сердце отказало, а ему было всего пятьдесят три. Все же кое-что хорошее Женя успел перед разводом сделать. Каким-то образом ему удалось расширить семейный метраж за счет освободившейся соседней комнатки. Не то старушка, в ней жившая, померла, не то дочь ее забрала с собой, переезжая в другой город.

Теперь у Люси было две комнаты из четырех. Долго ли, коротко ли, но блудный Женя решил вернуться к деткам и все еще любящей его Люсеньке. Несмотря на бурные протесты тещи, ходок Евгений был прощен и снова принят в семью. Фартовым парнем оказался Женя. Опять он подсутился – не иначе как в жилконторе работала какая-нибудь его прихехешка, а он-то знал, на какой козе подъехать к слабому полу. Подъехал – и получил все в той же квартире третью комнату. А как вы думаете, кому досталась последняя, четвертая, комната в коммуналке? Ха-ха, нашей Марусе Федоровне! Каким образом? Сейчас узнаете.

Главная бабушка Тата не только ежемесячно выдавала Мане зарплату, но и платила за нее профсоюзные взносы, ибо Маняша более трех десятилетий официально и очень профессионально работала в одной и той же семье домашней работницей. Она была прописана в Татиной квартире, однако как член уважаемой организации, имеющий безупречную репутацию, обладала правом на отдельную личную жилплощадь. Бабуля и об этом позаботилась: она поставила Маню в очередь на ее получение. Сколько лет с тех пор прошло, никто не помнил, и никто не знал, сколько в ней стояло жаждущих получить в пожизненное пользование бесплатный метраж квартирной площади. И вот однажды доставляю я печатную продукцию из почтового ящика с первого этажа на второй, что входило в мои ежедневные обязанности наравне с чисткой зубов и уборкой кровати, и вижу странный листок между «Литературкой» и «Московским комсомольцем». Я уже умел читать, что немедленно и продемонстрировал. «Уведомление», – произнес я и передал бумажку Мане, потому что на ней указывалась ее фамилия. Маня взяла в руки таинственный бумажный клочок, надела очки и попыталась прочесть. С грамотностью у нее сложились не самые близкие отношения: читала она с трудом и по складам, а писала и того хуже. К счастью, Тата вскоре вернулась с очередного министерского заседания и помогла расшифровать загадочное уведомление. В нем было указано, что гражданка такая-то такого-то числа должна явиться по такому-то адресу, имея при себе паспорт и профсоюзный билет, для получения талончика на осмотр жилплощади, за выездом. Я не очень понял, что означает «за выездом», и мне объяснили, что кто-то уже жил на этих квадратных метрах.

– И что, – спросил я, – он теперь будет жить с нашей Маней?

– Да нет, – разъяснила Тата, – он уехал, а на его место может вселиться кто-нибудь другой, например Маня.

– Значит, Манечка от нас уйдет?

– Почему уйдет? Куда? – с угрозой в голосе произнесла бабуля.

– Как куда? – не унимался я. – Уйдет «за выездом».

Маня хранила молчание, трясаясь от возбуждения и боясь поверить услышанному.

В назначенный день Тата отправилась вместе с Маней в районную жилищную контору, где они получили талончик на осмотр освободившейся комнаты. Подумать только, свободная жилплощадь оказалась на нашей улице в доме довоенной постройки, естественно в коммуналке, но в сносном состоянии. Конечно, Маня немедленно согласилась. Еще бы! Долгие годы жизни на сундуке в коридоре, когда мимо тебя с шести утра шастают соседи, а потом много лет на узеньком диванчике в узеньком проходе, хоть и без посторонних, но тоже не слишком большая радость. И вдруг в центре столицы в шикарном доме тебе предлагают четырнадцать собственных метров! От такого предложения в советские времена не отказывались. Это тебе не хрущоба в Мнёвниках – это эксклюзив внутри Садового кольца! В общем, Маня комнату получила, прописалась по новому адресу, но новоселье устраивать не стала, потому что переезжать в «хоромы» не собиралась.

Моя гениальная бабуля задумала сногшибательную комбинацию и приступила к ее реализации. Тате пришлось в голову обменять Манечкину площадь на последнюю, четвертую, комнату в квартире дочери Люси на ВДНХ. Бабушка свела полезное знакомство с дамой, отвечающей за использование районных жилищных фондов, а та, в свою очередь, представила Тату другой ответственной тете из другого района. И чудо – обмен состоялся! Благодаря проницатель-

вости Люсиного мужа Жени, благодаря своей маме и благодаря моей бабушке Люсина семья оказалась прописанной в отдельной четырехкомнатной квартире в нескольких минутах ходьбы от метро в доме, спроектированном архитектором Жолтовским. Несмотря на дурацкую планировку с обилием узких коридоров и закоулков, каждый член семейства получил свой угол. Были ли они счастливы по своим углам? Не знаю. Сначала умер Женя, потом Манечка. Сын Сережа женился, дочь Оля вышла замуж. Люся дождалась внуков, успела немного их понанчичить и тоже умерла. Брат с сестрой не захотели жить под одной крышей, и я их понимаю: близких родственников надо любить на расстоянии. Когда я уехал учиться в Англию, я очень проникся к оставшимся в Москве родителям и другим родным людям. А Оля с Сережей квартиру приватизировали, продали и разбежались. С тех пор мы ничего о них не слышали.

Когда мы на лето перебирались в Кратово, Люся нас непременно навещала и всегда одаривала гостинцами. Судя по тяжеленным сумкам, которые она привозила, могло показаться, что мы голодовали. Каждый раз Манечка приходила в неописуемый восторг, извлекая из авосек и пакетов банки топленого масла, говяжьей тушенки, сгущенного молока, упаковки гречки, сахара, муки и манки. Пачкам грузинского чая, печенья, какао, кулям с пряниками она радовалась, как ребенок, и долго после визита дочери пребывала в полном счастье. Пока хватало гостинцев, Маня бесконечно пила чай или какао с печеньем, сушками, пряниками и бухала себе в кружку пять-шесть ложек сахара. Из ее личного рациона неделями не исчезали макароны или картошка с тушенкой, причем они тонули в топленом масле. Мне тоже кое-что перепадало – прянички-бараночки, но я долго канючил, чтобы Маня рассталась хоть с одной банкой сгущенного молока и сварила ее на медленном огне, чтобы вода не выкипела и банка не взорвалась, а такое случалось с забывчивыми старушками. Наконец я получал желаемое, и мы с Вениками, вооружившись ложками, усаживались в наше авто и не покидали его, пока содержимое жестянки окончательно не исчезало в наших желудках. Проглотив несколько ложек припорошенной коричневой тянучки, я понимал, что меня начинает тошнить от невыразимой сладости. Прикончив банку, я бежал к дереву с яблоками, срывал недозрелый плод, вгрызался в него и приходил в себя. Веники от яблок с дерева мужественно отказывались. Подозреваю, что им просто не разрешали есть немытые фрукты во избежание дизентерии, которой их пугала тетя Марина – врач и Венина мама по совместительству. Она требовала от них, а заодно и от меня, чтобы мы мыли руки не только перед едой, а чаще, и чтобы мы мыли все, что тянули в рот с дерева, с куста или грядки. Я с тетей Мариной не спорил, но указания ее пропускал мимо ушей и даже возмущался, но тихо, про себя. Вообще-то я знал, что фрукты и овощи из магазина или с рынка надо подвергать санобработке, особенно если ты живешь в Индии, Пакистане, Бангладеш или в Африке, там от этой самой дизентерии-диареи люди мрут как мухи, а дети еще быстрее. Но мы-то жили под Москвой, и кусты и деревья были в нашей собственности.

Про Азию и Африку я знал от кузена Дрюли и тети Ля-Ля. Они четыре года провели в Бангладеш, где все приходилось мыть в трех-пяти водах с растворенной в ней марганцовкой. Весь посольский и торгпредский люд с утра до ночи пользовался хлоркой, хозяйственным мылом и виски. Первые два средства шли на дезинфекцию помещений и санузлов, а третье употреблялось внутрь, чтобы нейтрализовать и обезвредить гадостные желудочные бактерии. Вливание крепкого алкогольного напитка носило превентивный характер и лечебный одновременно. От него дошли все бациллы, и к его помощи прибегали все приезжие без исключения. Если хочешь быть здоров, выпей перед едой граммов пятьдесят, а лучше сто, особенно, когда идешь в местный ресторан или на прием. Мои родственники неукоснительно следовали алкогольной медицинской рекомендации, проверенной поколениями англичан. А они-то знали толк и в виски, и в джине. Мой дядюшка Во-Во принимал 100 граммов, тетушка – 50, а если брали с собой Дрюлю, то ему капали 30 граммов. После возвращения на родину привычку пить виски сохранил лишь дядюшка. Двоюродный братец оценил напиток много лет спустя. Он не пьет американский бурбон, храня верность отечественному британскому производителю, ведь

на острове он прожил три года, учась в университете города Ньюкасл. И хотя я в Кратово моего детства виски не пил, все же поглощал немые ягоды и яблоки, минуя понос и на зависть Веникам.

В поисках Винни-Пуха

Если в будние дни дачная жизнь шла тихой и размеренной походкой, то по выходным бежала галопом, мы развлекались по полной. Во-первых, наезжали гости, а вместе с ними появлялись дополнительные вкусности. Во-вторых, что намного важнее во-первых, по воскресеньям мы чувствовали и понимали, что мы мальчишки из полных семей, что у нас имеются отцы, которые нас любят и про нас не забыли. А в-третьих, иногда в выходной день мой папуля сажал нашу мальчиковую троицу в «Жигули» и мы отправлялись на речку Винни Пуха. Думаю, у речки этой было и другое название, но тогда мы искренне считали, что знаменитый медвежонок с голосом Евгения Леонова обитает в наших краях. Мы торжественно усаживались на заднее сиденье веселенькой зелененькой машины и выезжали за ворота. В конце нашего Берегового проезда сворачивали направо, ехали вдоль железнодорожных путей в сторону 42-го км, еще один поворот направо и оказывались на широкой дороге, повторявшей изгибы нашей сказочной речки. Нам даже казалось, что через несколько минут появлялся столб с указателем «Дом Винни Пуха», по крайней мере мы всех в этом уверяли. Дом находился за забором с запертыми на висячий замок воротами. Кто-то старательно выломал деревянные рейки ограждения, поэтому мы легко попадали во владения медвежонка. Строго говоря, на территории находилось несколько заброшенных строений, и когда-то они принадлежали детскому садику «Звездочка». Мы не знали точно, в каком домике обитал Винни, и нашей целью было найти его убежище. Мы искали горшочки из-под меда и игрушки, в которые играл Пух с друзьями. Кое-что интересное мы обнаруживали и приносили показать папе. Он внимательно рассматривал находки, серьезно качал головой и просил продолжать поиски счастья – Пух где-то прятал свои сокровища. Нам очень хотелось прихватить с собой что-нибудь из найденного, но папа говорил, что лучше этого не делать, потому что за ними непременно вернуться владельцы забытых вещей. Мы честно складывали в уголок все, что отыскивали. Папа был прав: зверушки возвращались, потому что в следующий наш визит собранный нами игрушечный урожай исчезал, а вместе с ним и пустые бутылки с этикетками водки, портвейна и пива. Мы были уверены, что Винни и его друзья всякую гадость не пили, а по ночам сюда забредали «дядьки Фу» и безобразничали.

Не знаю, кого вы боялись в детстве, но меня «дядька Фу» сильно пугал по малолетству. Этот плохиш отнимал у маленьких еду, игрушки, строил страшные рожи, дразнился, обзывался и подговаривал на пакости хороших мальчиков вроде меня. Я находил, что «дядьки Фу», в отличие от сказочной нечисти типа леших, водяных, домовых, очень даже реальные существа. Я совершенно не боялся, например, серого волчка, про которого мне страшным голосом пела Маня:

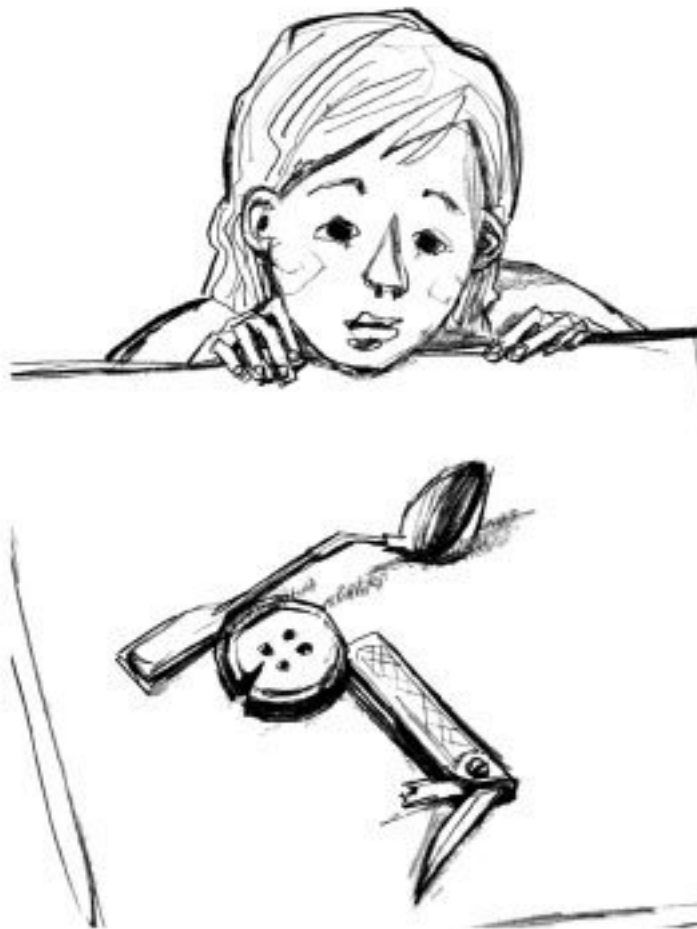
*Баю-баюшки-баю, не ложися на краю.
Придет серенький волчок и утащит за бочок.*

Он не мог этого сделать по двум причинам. Во-первых, Маня спала на диванчике в моей комнате и прогнала бы злодея. А во-вторых, я на всякий случай не ложился на край, а придвигался поближе к стенке.

Не боялся я и Бабы-Яги, потому что никогда не ходил один в лес и к тому же не верил сплетням, про нее распускаемым. Я внимательно слушал сказки с ее участием в маминой высокохудожественной интерпретации и знал, что слепенькая старушка в основном лежит у себя в избо-на-куре, ибо из-за костяной ноги ходить не может, а зубы у нее вросли в потолок. Разве

в таком положении инвалид с ограниченными возможностями мог сажать на лопату глупых непослушных деревенских детишек и запекать их в печке? И зачем ей такое жаркое, ведь зубы-то у нее плохие и гнилые, а еда ей вообще не нужна – она же не человек, а нежить. На краю леса она жила, потому что работала сторожем. В ее обязанности входила охрана заповедного леса мертвых от настырных живых людишек: коли те попадут в него, то сгинут навсегда. Как видите, Баба-Яга пользу приносила. А как же она, слепенькая, отличала живых от неживых, спросите вы. Оказывается, по запаху: нюх у нее был лучше, чем у любой собаки. Все-таки два момента касательно Яги мне хотелось бы прояснить. Почему она помогала Ивану и откуда у нее, у нежити, взялась очень даже живая и симпатичная внучка? Уж не от Ивана ли царевича?

Я убедил Веников, что Баба-Яга не опасна и что не всем сказкам можно верить. Скажем, история про Винни Пуха очень правдива, а мультики про него просто прелесть, и мы могли бы их смотреть каждый день. Нам очень хотелось иметь что-нибудь на память о любимом медвежонке, и мы нарушили уговор ничего не брать из найденного в заброшенном детском саду. Каждый из нас кое-что оттуда прихватил. Все предметы были небольшого размера и легко помещались в наших карманах. Коля нашел слегка заржавевшую чайную ложку, которой Винни несомненно ел из банки мед. Вене попалась большая перламутровая пуговица от Пуховой одежды. Она кое-где треснула, но блескучести не потеряла. Мне повезло больше всех: я наткнулся на крошечный перочинный ножик с двумя лезвиями. Одно было сломано, но другое прекрасно царапало любую поверхность, чем я и воспользовался. Я знал, что вырезать на деревьях и скамейках инициалы плохо и детки из хорошей детской так не поступают. И все же иногда необходимо пометить свое присутствие. Например, ты хочешь оставить потомкам послание, или заблудился в лесу, или для того, чтобы не забыть, где закопал клад... да мало ли еще причин. Как много потеряла бы наша цивилизация, если бы первобытные люди не царапали стены пещер, в которых жили. В общем, я не удержался и Пуховым ножичком с большим трудом вывел В.Т. на боковой стенке нашего сортира. Что бы вы думали? Дачное деревянное удобство мне отомстило за порчу. Оно вогнало в мою ладошку противную занозу. Пришлось Вениной маме ее вытаскивать и ранку заливать йодом. Я отказался от дальнейших услуг ножичка, но оставил его на память.

«Мне повезло больше всех: я наткнулся на крошечный перочинный ножик с двумя лезвиями...»

У меня появилось новое увлечение – теперь я метал камни в оранжевоствольную высокую сосну. Сначала я выискивал на участке снаряды-камни помельче, чтобы усложнить задачу. Набив ими карманы, я отчеркивал линию старта и начинал тренировку. За несколько дней я набил руку и все с большей точностью поражал цель. Как-то мама застукала меня в момент установления рекорда нашего участка и категорически осудила подобную спортивную деятельность. Она приравняла метание камня в дерево к серьезной опасности потерять глаз в случае отскока снаряда от сосны и строго-настрого запретила тренировки. Я убеждал ее, что успею отскочить и моим глазам ничего не угрожает. Мама была непреклонна. А я, увы, запрет нарушил и, конечно, за непослушание поплатился. Спасибо, глаз остался цел, но веко левого oka навсегда сохранило шрам. В качестве назидания: маму надо слушаться. Камней в сосну я больше не швырял, однако тенденцию наступать на те же грабли сохранил на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.